

УДК 321.02

О.С. Стаценко, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский национальный технический университет

Ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sevastopol.ua

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Рассмотрено политическое поведение людей в современном политическом процессе. Предпринята попытка определения стабилизирующих и дестабилизирующих факторов в политическом поведении.

Гражданин, участвуя в политическом процессе, может проявлять свои взгляды, иметь свои собственные позиции, влиять на властные структуры через участие в выборах, работе партий. При этом, исходя из концепции естественного права, полагается, что человек объективно обладает неотъемлемыми правами, а задачей политической системы является гарантирование этих прав, недопущения их нарушения, создание условий для их реализации. Основным правом является право на жизнь.

Жизнь как форма – это структура органического вещества, способная к самоподдержанию. Иными словами, живое от неживого отличается жизнедеятельностью, то есть поддержанием и воспроизводством жизни, которая свойственна всему живому, в том числе и человеку. Однако человек не только биологичен, а и социален. «Проблема соотношения биологического и социального в человеке, бесспорно, сложна, так как затрагивает проблематику генетики, эволюционной биологии и физиологии, эмбриологии, зоопсихологии, развития психики. При этом природное биологическое начало – это существующее и развивающееся в человеке независимо от влияния на него других людей, общее по происхождению, хотя и необязательно тождественное у человека с животными. Социальное – это все то в человеке, что возникло в нем как в члене общества в процессе антропогенеза в истории человечества и возникает в результате общения с другими людьми. Организм человека – биологичен, личность – социальна» [1, с. 22 – 23]. Эти две сущности человека тесно переплетены. Передавая традиции, национальную культуру, опыт от отца к сыну, от поколения к поколению, человек объединяет биологическое начало с социальным. Таким образом, для человека производство и воспроизводство жизни означает еще и социализацию, т.е. усвоение правил поведения и ценностей конкретного социума. Социальная система, в известном смысле, имеет те же характеристики, что и отдельный человек, то есть, стремится к воспроизводству и самосохранению.

Одним из фундаментальных свойств политической системы является ее стремление к самосохранению. Способность политического организма к самосохранению в условиях, угрожающих «идентичности» общественной системы или самому ее существованию, шотландский ученый Ф. Били определяет как стабильность.

Однако возможности системы власти на динамических и стабильных (статических) отрезках бытия политической системы весьма существенно различаются. В связи с этим возникает вопрос не только поддержания стабильности системы, а и оптимизации и сбалансированности процессов, происходящих в ней. Стремление к балансу характерно для многих сфер человеческой деятельности: между накоплениями и инвестициями, экспортом и импортом, спросом и предложением, ценами и затратами, между регионами одного государства, отраслями хозяйства, политическими партиями, группами интересов или ветвями власти и так далее. Понятно, что категория равновесия может прилагаться и к процессам в экономике, рыночным отношениям. Труднее всего использовать ее как раз при анализе социально-политических явлений, ибо в политике чаще, чем в других сферах жизни, образуется доминирующее большинство, лидеры которого закономерно стремятся к сосредоточению в своих руках максимальной мощи (национальных ресурсов, рычагов власти и пр.).

Общество как система имеет несколько критериев стабильности: самовоспроизводство численности, наличие автохтонной культуры, относительно постоянная территория, политическая независимость. В то же время, по мнению американских политологов Э. Даффа и Д. Маккаманта, анализ проблемы политической стабильности и нестабильности требует использования и других критериев: во-первых, отношение населения к политическому процессу, и, во-вторых, внутренние резервы самой политической системы [2, с. 151].

Главным условием выживания, как индивидуума, так и общества в целом, является удовлетворение базовых потребностей. Все население имеет основные человеческие нужды – базовые потребности. К основным человеческим нуждам относятся: безопасность, экономическое благосостояние, чувство принадлежности, признание, распоряжение собственной жизнью. Схожую схему предлагает российский политолог Белов Г.А.: «Если схематизировать все требования, то их можно свести к четырем «больше»: 1) безопасности (внешней и внутренней), гарантии охраны здоровья, окружающей

среды, борьбы с преступностью; 2) доходов и благ; 3) участия (в управлении и решении); 4) знаний (повышение статуса, развитие информации)» [3, с. 153].

Американский психолог А. Маслоу построил так называемую вертикальную схему базовых потребностей и расположил основные человеческие нужды по мере их возвышения – 1. Физиологические потребности. 2. Потребность в безопасности и защищённости от любой агрессии. 3. Потребность в любви (социальная потребность). 4. Потребность в самореализации и 5. Потребность в самоактуализации [4, с. 100 – 101].

Физиологические потребности, удовлетворение которых является одним из главнейших требований к политической системе, относятся к числу наиболее сильных, так как возникают на базе мощных первичных инстинктов – самосохранения и продолжения рода. Для практической оценки степени удовлетворённости физиологических (материальных) потребностей существует несколько показателей: 1) прожиточный минимум (доступ человека за единицу времени (месяц, неделю и так далее) к такому количеству ресурсов, которое обеспечивает лишь элементарные, на данном этапе развития общества, условия жизни, поддерживающие работоспособность и здоровье людей); 2) минимальный потребительский бюджет (рассчитан на полное удовлетворение разумных потребностей человека); 3) неравномерность распределения доходов (отношение доходов 10 % самых богатых граждан страны к доходам 10 % самых бедных (коэффициент социального неравенства – КСН). Неравномерность доходов населения считается нормальной, если КСН, вычисленный в среднем по стране, находится в пределах от 5 до 7. Если коэффициент меньше чем 5, то следует признать, что в стране проводится политика искусственного уравнивания доходов населения. Обычно это приводит к падению интереса к производительному труду, расширению теневого сектора экономики и другим негативным последствиям. КСН превышающий 7 означает, что в стране рождается олигархический слой, сосредоточивающий в своих руках такую долю национальных ресурсов, что оставшаяся часть недостаточна для поддержания привычного уровня жизни большей части населения. Поддержание неравномерности доходов населения в оптимальных границах относится к числу приоритетных задач любого ответственного правительства; 4) коэффициент направленности стратификации доходов населения (рассчитывается для выявления неблагополучных регионов); 5) реальный доход населения (определяется количеством наборов прожиточного минимума, приходящихся на среднедушевой доход) [5, с. 115].

Потребность в безопасности и защищённости, по мнению А. Маслоу, также относится к числу первичных. Безопасность и защищённость – это всё то, что создаёт человеку благоприятные перспективы выживания, прежде всего – безопасность личности, семьи, жилища и собственности от покушения со стороны. В «пирамиде потребностей» Маслоу, потребность в безопасности наиболее сильна. Исследования показывают, что практически повсеместно, об эффективности политической системы и разнице между реальным и идеальным образами власти, люди судят именно по степени своей физической защищённости. При этом не имеют существенного значения ни регион, ни возраст, ни идеологические ориентации граждан. Однако безопасность не должна восприниматься только как защищённость от физического насилия: сегодня это здоровая среда обитания, простирающаяся вплоть до глобального уровня.

Потребность в любви «определяет конфигурацию взаимоотношений власти и народа... Люди ожидают от тех, кто олицетворяет власть, подтверждения своей значимости, а не только удовлетворения их политических или материальных интересов. Власть должна о них заботиться, служить народу, думать о народе, быть небезразличной» [5, с. 123]. Данная потребность интегрирует материальный интерес и эмоциональное восприятие власти – важнейшие факторы, определяющие легитимность политических лидеров и институтов.

Потребности в любви, в самореализации и в самоактуализации А. Маслоу отнёс к числу высших духовных потребностей, хотя очевидно, что нереализованные первичные потребности весьма существенно ограничивают возможности индивидуума удовлетворить потребности высшие. Потребность в самореализации состоит в стремлении человека упрочить свои позиции в общественной иерархии, осуществить возможность доступа к национальным ресурсам. Доступ человека к ресурсам, как правило, является функцией его статуса. Высший статус – принадлежность к политической элите – позволяет контролировать национальные ресурсы в максимальном объеме. Поэтому практически любой человек заинтересован в упрочении своей позиции в общественной иерархии.

Базовая потребность в самоактуализации чаще всего реализуется на уровне групп интересов и политических партий. Эта потребность занимает высший уровень в иерархии потребностей по А. Маслоу и проявляется «как реализация высших духовных начал личности, ее свободы и творческого потенциала» [4, с. 104]. В политической практике творческая свобода является настоящей потребностью для элитарных кругов, для народных масс более актуальной является свобода не «для», а «от». Однако в любом случае необходимость раскрытия творческого потенциала есть важнейший мотив социального поведения. «В психологической литературе есть данные, свидетельствующие, что когда потребность не удовлетворена, она оказывает мотивирующее воздействие на поведение человека. Картина мира человека

также формируется под влиянием неудовлетворенных потребностей. Относится это и к образам власти» [4, с. 102, 103]. Активность гражданского общества мотивируется необходимостью удовлетворения базовых потребностей индивидуумов, их социальных групп.

Активность большинства демократического общества, «среднего класса», ограничивается удовлетворением первичных (1 – 4 по А. Маслоу) базовых потребностей. Иначе говоря, при удовлетворённости первичных потребностей, «средний класс» активно или пассивно поддерживает существующую политическую систему. Поддержка населением политической системы является гарантией ее стабильности, самоподдержания. При этом нельзя не учитывать тот факт, что любое общество иерархично. Средний класс является опорой демократии, однако, в обществе существуют определенные группы граждан, которые стремятся удовлетворить потребность в самоактуализации, что объективно дестабилизирует устоявшуюся иерархическую структуру.

Христианство начинало свою социальную историю с попытки создать общество равных, но очень скоро такие социумы уже имели сложную иерархию, огромную пирамиду с многочисленными рангами и титулами, начиная от всемогущего папы и заканчивая находящимся вне закона еретиком. Институт монашества был организован св. Франциском Ассизским на принципах абсолютного равенства; прошло семь лет – и равенство испарилось... Советская история – еще один пример в длинном ряду схожих экспериментов. Все попытки создать общество, в котором все были бы равны, потерпели неудачу. И это не случайно.

Постоянной характеристикой любого организованного общества является социальная стратификация, которая описывает процесс возникновения и изменения социального неравенства. Неравенство – это условия, при которых люди имеют неравный доступ к таким благам как национальные ресурсы, власть, престиж. Термин стратификация был заимствован из словаря естественных наук. Он происходит от латинского *stratum* – слой, пласт и *facere* – делать. При помощи метода стратификации можно выявить групповое многообразие в обществе и определить последовательность положения социальных акторов в их иерархическом ранге, то есть, по вертикали. Основой стратификационной структуры является естественное и социальное неравенство людей.

В своей работе «Социальная стратификация и мобильность» П.А. Сорокин рассмотрел соотношение геометрического и социального пространств, выявил сущность социальной стратификации, основные ее формы и взаимоотношения между ними, а главное, провел различие между горизонтальной и вертикальной мобильностью и проанализировал основные средства и каналы, при помощи которых индивидуумы могут достигнуть тех или иных общественных вершин.

Социальная стратификация, по П. Сорокину, – это дифференциация данной совокупности людей (населения) на классы по вертикали и горизонтали. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии и отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов... сообщества [6, с. 302 – 303].

Для того чтобы определить положение человека в социальном пространстве необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, его происхождение и т. д. Таким образом, положение человека в социальной вселенной определяется путем установления совокупности его связей со всеми группами населения. Совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение в обществе любого индивида.

Очевидно, что формы социальной стратификации многочисленны и многообразны. Однако П. Сорокин сводит это многообразие к трем основным формам: экономической, политической, профессиональной. Как правило, все они тесно переплетены.

«Если экономический статус членов некоего общества неодинаков, если среди них имеются как имущие, так и неимущие, то такое общество характеризуется наличием экономического расслоения. Если в пределах какой-либо группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют управляющие и управляемые, тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, хозяева, начальники), это означает, что такая группа политически дифференцирована, что бы она не провозглашала в своей конституции или декларации. Если члены какого-либо сообщества разделены на различные группы по роду их деятельности, занятиям, а некоторые профессии при этом считаются более престижными в сравнении с другими и если члены той или иной профессиональной группы делятся на руководителей различного ранга и на подчиненных, то такая группа профессионально дифференцирована независимо от того, избираются начальники или назначаются» [6, с. 302 – 303].

П. Сорокин выделяет не только горизонтальный, но и вертикальный параметр социальной стратификации. Несложно определить социальную стратификацию нескольких индивидов, принадлежащих к одной и той же группе, например, членов одной политической партии. Однако по

вертикали их социальное положение может быть совершенно различным (лидер партии или рядовой ее член). И если по горизонтали их положение может являться одинаковым, то по вертикали наблюдается существенная разница. Продвижение по социальной лестнице вверх считается социальным подъемом, перемещение вниз – спуском. Такой подход определяет местонахождение и продвижение людей (социальных групп, объектов, ценностей) внутри различных социальных слоев.

Изменение общественного статуса, то есть переход от одной социальной позиции в другую П. Сорокин назвал социальной мобильностью, которая также объективна, как и стратификация. Существует два основных типа социальной мобильности: горизонтальная и вертикальная.

Под горизонтальной мобильностью подразумевается переход индивида или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенной на одном и том же уровне. Например, перемещение индивида из одного гражданства в другое, из одной семьи в другую при разводе или повторном браке, с одного завода на другой при сохранении своего профессионального статуса и т. д. Примером перемещения социальных объектов может служить распространение в рамках одного социального пласта радио, определенной марки автомобиля, моды, идей пацифизма и т. д. во всех этих случаях не происходит каких-либо заметных изменений в социальном положении индивида или социального объекта в вертикальном направлении.

Под вертикальной социальной мобильностью понимается перемещение индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой, она может быть восходящей и нисходящей, индивидуальной и коллективной.

Человеку свойственно защищать и упрочивать свои социальные позиции, то есть стремиться закрепить собственный статус в одном социальном слое или перемещаться в более высокий, к этому его побуждает инстинкт выживания.

Взаимоотношения людей в процессе защиты соответствующих социальных позиций А. Зиновьев назвал коммунальными. «Коммунальные отношения суть такие, которые обусловлены самим фактом множественности людей и необходимостью совместной жизнедеятельности, как целого объединения. Основные коммунальные отношения индивидов суть отношения их к группе, отношения внутри групп и между группами. Отношение индивида к группе характеризуется степенью зависимости его от группы и группы от него. Первая имеет тенденцию к увеличению, вторая – к уменьшению. Индивид стремится ослабить свою зависимость от группы. Группа стремится к полному контролю над поведением индивида и к подчинению его воле группы» [7, с. 37].

Коммунальное поведение людей внутри группы определяется принципами субординации и координации. Первый принцип заключается в том, что социальная роль начальника выше, важнее, престижнее и лучше оплачивается, чем позиция подчиненного. «Начальник стремится к максимальной зависимости подчиненных от него и к минимизации своей зависимости от них. Отношения координации (соподчинения) таковы: «Наибольшую опасность для индивида представляет другой индивид, превосходящий его по социальным потенциям в глазах других и начальства. Поэтому он стремится ослабить позицию другого индивида или как-то помешать её усилению. Взаимное препятствование... здесь является основой поведения» [7, с. 37].

Политические партии, государственные институты, общественные объединения, этнические, конфессиональные и другие социальные группы, представляют собой ту среду, в которой и осуществляются отношения коммунальности.

Законы коммунальности универсальны, они действуют независимо от типа политической системы и цели объединения людей в социальные группы. Коммунальная сфера для людей – арена борьбы за существование. «В коммунальном аспекте предполагается, что люди свободны и без принуждения совершают поступки по правилам социального расчёта. Основной принцип последнего: не действовать во вред себе, мешать другим действовать во вред себе, избегать ухудшения условий своей жизни, отдавать предпочтение лучшим условиям,... иметь как можно больше с наименьшими усилиями, максимально использовать в своих интересах своё положение, избегать наказания» [7, с. 37].

Политическая система существует для реализации естественных требований населения, которые зиждутся на базовых потребностях людей. Однако дифференциация требований и их интенсивность в большом, развитом обществе, могут оказаться слишком велики. С одной стороны, их удовлетворение в полном объеме может привести к качественным и количественным перегрузкам системы. С другой стороны, ограничение в переработке требований может привести к снижению социально-политического влияния власти. Таким образом, соотношение номенклатуры и интенсивности требований политических акторов, а также возможности политической системы на них адекватно реагировать, нуждается в оптимизации.

Отношения коммунальности, как и стратификация, устанавливают различия между политически господствующими группами и массами, иерархия выстраивается в зависимости от принадлежности к определенным силам и от степени обладания политической властью. При этом необходимо учитывать тот факт, что любое общество делится не только на традиционные, хотя и разнообразные страты, но и на две

неравные части – элиту (группу лиц, принимающих политические решения) и общество. Общество, в свою очередь, делится на контрэлиту и народные массы. Каждая из этих групп имеет собственные мотивы политического участия и степень выраженности базовых потребностей. Элита располагает доступом к национальным ресурсам и, в этом качестве, является привилегированной социальной группой.

Итальянский экономист, социолог и политолог В. Парето, являющийся одним из основоположников теории элит, в своем трехтомнике «Трактат по общей социологии» (1916 г.) утверждал, что люди различаются между собой физически, морально и интеллектуально. При этом индивидов, добивающихся высоких результатов в любой области, он назвал элитой, которую подразделил на правящую и неправящую. К правящей элите относятся, по его мнению, те группы, которые прямо или косвенно принимают участие в управлении. Именно правящая элита осуществляет власть в обществе, захватывая все командные высоты [8, с. 292 – 293].

Элита – это активное меньшинство, монополизирующее власть в системе, а массы – это все те, кто подчиняется этой власти. Это иерархическое отношение между приказывающими и подчиняющимися. Массы подчинены элитам, что означает принятие в той или иной степени ее политической воли. Таким образом, политическое подчинение предполагает согласие с приказами элиты и выполнение их... Без этого ни одна политическая система не могла бы функционировать хоть сколько-нибудь стабильно... Как бесспорным фактом является разделение на элиту и массы, несомненно и то, что это разделение проявляется не в грубой форме, но надевает одежды легитимности. Согласие масс (активное или пассивное) с властью элит, признание права той или иной личности или группы управлять называется легитимностью и необходимо для функционирования любой политической системы.

Элита представляет собой класс профессиональных управленцев, распределяющий национальные ресурсы. Принадлежность к элите дает социальный престиж и возможность принятия решений. Поэтому в обществе и существует контрэлита как часть общества, стремящаяся к включению в элиту. Изменение качественной определенности политической системы является базовой потребностью контрэлиты. Контрэлита – социальная группа с высокими требованиями к удовлетворенности потребности в самоактуализации (№ 5 по А. Маслоу), но лишенная доступа к политической власти, то есть её «пятая» базовая потребность неудовлетворена.

Элита и контрэлита соревнуются между собой за поддержку масс. Обе группы пытаются убедить массы в том, что именно они адекватно представляют их основные интересы. Элиты, позволяющие включаться в себя извне, называются «открытыми». Открытость элит облегчает процесс обновления их лидеров и делает поведение их членов в новых, непредвиденных условиях более гибким. К тому же лица, первоначально находившиеся вне элит, проникая в них, усваивают их интересы и, таким образом, укрепляют их власть. Можно сказать, что внутреннее обновление элит является необходимым механизмом их стабильности.

Политические элиты, препятствующие стремлению контрэлиты к вступлению в нее, называются «закрытыми». Каналы вертикальной мобильности в такой системе не доступны, обновление управленческого аппарата происходит крайне медленно. Основоположник элитистского направления в политологии итальянский ученый Г. Моска назвал первую тенденцию демократической, а вторую – аристократической. При этом «никогда не существовало общества, в котором вертикальная социальная мобильность была бы абсолютно добровольной, а переход из одного слоя в другой осуществлялся бы безо всякого сопротивления» [6, с. 379].

Коренной базовый интерес элиты заключается в удержании политической власти, то есть в сохранении доступа к максимальному объему национальных ресурсов. В силу действия объективных социальных законов, наступает момент, когда элита начинает действовать преимущественно в своих интересах, направляя все свои стремления на самовыживание, а не на интересы общества. При этом происходит сужение, и даже, закрытие каналов вертикальной мобильности, снижение степени удовлетворенности базовых потребностей, стремление элиты установить тотальный контроль над ресурсами, появление или активизация деятельности уже существующей контрэлиты, то есть всё то, что известно под общим названием олигархизация (бюрократизация).

При наличии данных обстоятельств необходимо учитывать положение известного политолога Р. Михельса, сформулировавшего «железный закон олигархии», согласно которому развитие демократии неизбежно приводит к установлению господства лидеров и элит. В своей работе «Социология политической партии в условиях демократии» он определил: «... Нет сомнения в том, что бюрократизм олигархической партийной организации вытекает из практической формальной необходимости. Он представляет собой неизбежный продукт принципа построения организации как таковой».

Из этого вытекает вывод о том, что бюрократизация (олигархизация) – это объективный процесс, вытекающий из существования организации, то есть из необходимости управления. Ни политика, ни экономика не могут обходиться без надлежащего управления. Именно здесь и возникает главная

проблема осуществления политического процесса – предотвращение злоупотребления политической властью, то есть лишение большинства народа разумного количества средств к существованию.

Необходимо также учитывать и то, что именно коммунальные отношения являются дестабилизирующим фактором в любых политических системах, особого рода мерой политической энтропии. Если убывает сила упорядочивающих факторов (а это неизбежный этап развития), общество испытывает анархистские тенденции. Сохранение целостности, в особенности реформируемых традиционных обществ, без усиления роли государства почти невозможно. Однако усиление централизации выше определённого уровня также усиливает коммунальность, хотя и медленнее.

В конечном счёте, для удовлетворения потребностей индивидов и государства необходимы ресурсы и возможность этими ресурсами воспользоваться (свобода – для индивидов, сила власти – для государства).

Поиск оптимального соотношения между предоставлением необходимой свободы каждому члену общества и разумными ограничениями этой свободы во имя поддержания общественного порядка были и остаются одной из самых сложных, деликатных и актуальных проблем для всех социальных сообществ.

Библиографический список

1. Введение в теорию государственно-правовой организации социальных систем / Под общ. ред. Е.Б. Кубко. — К.: Юринформ, 1997. — 192 с.
2. Макарычев А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки / А.С. Макарычев // Полис. — № 1. — 1998. — С. 149 – 157.
3. Белов Г.А. Функции политической системы / Г.А. Белов // Кентавр. — 1995. — № 3. — С. 150 – 160.
4. Гозман Л.Я. Политическая психология / Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопал. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. — 448 с.
5. Тихомиров С.И. Политический процесс: теория и практика / С.И. Тихомиров. — Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2002. — 224 с.
6. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность: пер. с англ. // Человек. Цивилизация. Общество. — М. Политиздат, 1992. — 453 с.
7. Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма / А. Зиновьев. — М.: Центрполиграф, 1995. — 250 с.
8. Парето В. Компендиум по общей социологии // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. — М.: Гардарики, 2000. — 843 с.

Поступила в редакцию 15.10.2007 г.